СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 8

Введение 11

Действующие лица 14

Культурные связи СССР и третьего мира в коротком XX веке 24

Зоны контакта и посредники 35

Место Советского Союза в постколониальных исследованиях, мировой литературе и кинематографе . . 40

Образы интернациональной солидарности в литературе и кино 50

Глава 1. В советской литературной орбите: начало 1920-х — середина 1950-х годов 62

Русско-советская литература в (пост)колониальном мире . 71

Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) 80

Советская словесность в межвоенный период 94

Глава 2. Ассоциация писателей стран Азии и Африки (1958–1991) и ее литературное поле 116

Советское (пере)открытие Африки и Азии 125

Конкуренция 131

Ассоциация писателей стран Азии и Африки как поле . . 139

Структуры афро-азиатского литературного поля 148

«Прогресс»: издание афро-азиатской литературы в СССР 164

Советские читатели и афро-азиатская литература 173

Заключение 185

Глава 3. «Связи, которые нас объединяют»: нарративы солидарности в литературе стран третьего мира . . . 187

Интернационализм третьего мира 191

Топос интернациональной солидарности / заграничной утопии 194

Нарратив цепочки поставок 203

Железнодорожный нарратив 208

Постколониальная критика в Средней Азии 219

Глава 4. Ташкентский кинофестиваль (1968–1988) как контактная зона . . . 227
Неудавшееся начало . . . 227
Дорога в Ташкент . . . 243
Афро-азиатское кино глазами Советского Союза постсталинской эпохи . . . 251
Ташкент как контактная зона кинематографов трех регионов . . . 259
Советские зрители сквозь призму афро-азиатского кино . . . 268
Конец романа . . . 281

Глава 5. «Братья!»: Документалистика солидарности . . . 286
Вопрос «третьего кинематографа» . . . 290
Строптивые латиноамериканцы . . . 294
Раннесоветское кино солидарности . . . 298
Испания . . . 302
Китай . . . 309
Юго-Восточная Азия . . . 315
Акты солидарности в Латинской Америке . . . 326
В память о революции . . . 337

Эпилог . . . 346
Распад . . . 347
Постсоветское расовое воображение . . . 354
Последствия для незападного мира . . . 359
Постколониальные исследования . . . 363

Приложение. Лауреаты премии «Лотос» 1969–1988 годов . . . 376

Список иллюстраций . . . 377

Фильмография: документалистика солидарности . . . 379

Библиография . . . 381

Указатель имен . . . 414

Моей семье

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга родилась пятнадцать лет назад во время работы в архиве Союза писателей СССР, когда я впервые наткнулся на имена ведущих постколониальных писателей и мыслителей, которые посещали СССР, переводились там и взаимодействовали с советской культурой в эпоху холодной войны. На основе этого материала я прочитал доклад о пересечении советской и постколониальной литературы в рабочей группе Йельского университета[1] по глобализации и культуре, чья поддержка позволила мне развить его в главу моей диссертации. Мои научные руководители, Майкл Деннинг и покойная Катерина Кларк, были первыми читателями моей работы: эта книга не появилась бы без их мудрости и щедрости. Мне также повезло, что кафедра сравнительного литературоведения в Йеле, где я в то время учился, отходила от деконструкции и экспериментировала с моделями мировой литературы (и кино), что создало благоприятную интеллектуальную среду для формирования основных идей этой книги. Еще больше мне повезло там с однокурсниками: Яшей Клотцем, Ромой Уткиным, Элис Лавджой, Аннетт Лиенау, Майклом Крамером, Брайс Отес, Раисой Сиденовой, которые остаются моими друзьями до сих пор. Илья Клигер, который вместе с Томом Кэмпбеллом был моим первым организатором в профсоюзе аспирантов Йельского университета, с тех пор остается моим советником и в политическом, и в интеллектуальном и личном плане, несмотря на все перемещения по земному шару. Том однажды сказал мне, что ни у одного человека не может быть правильных ответов на все вопросы, но сам он как будто делает все, чтобы доказать, что это не так.

[1] Внесен Генеральной прокуратурой РФ в реестр организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ.

Диссертация, которую я защитил, содержала лишь полторы главы будущей книги. Ее путь продолжился в ходе постдокторантской стипендии в Университете Пенсильвании и исследовательского визита в Институт гуманитарных историко-теоретических исследований в Москве, в коллегиальной атмосфере программы литературы и истории Гарвардского университета и кафедры сравнительного литературоведения стамбульского университета Коч, где я преподавал. Книга была завершена в наилучшей из возможных обстановке: на кафедре российских и славянских исследований Нью-Йоркского университета, где я преподаю последние десять лет. На этом последнем этапе нам с рукописью повезло встретить ряд блестящих ученых, которые заинтересовались материалом и помогли ей стать книгой: в первую очередь это Маша Салазкина, которая была ее фактическим соавтором; Галин Тиханов и Кевин Платт, которые придали ей значительную часть интеллектуальной формы; Маргарет Литвин, Моника Попеску и Роберт Янг, которые были не только ее читателями, но и ангелами-хранителями; товарищи из Лефтийста помогли мне осмыслить ее значение; а друзья Мариета Божович, Джесси Лабов, Сюзанна Вейгандт, Лоран Дисард, Моника Ким и многие другие поддерживали меня. Затем Ричард Рацлафф, редактор в издательстве McGill-Queen's University Press, довел рукопись до конца, Анна Егорова взялась за составление алфавитного указателя, а Татьяна Пирусская не только перевела оригинал на русский, но и существенно улучшила его.

Каждый приезд в Москву приносил радость благодаря веселой компании Жени Трефилова и Миши Левитина. Я обязан беседам с Ильей Будрайтскисом и другими товарищами многим из того, что знаю о современной России. Хотя книга полемически настроена по отношению к доминирующему западоцентризму постсоветского гуманитарного знания, благодаря группе «ИнтерЛит» (Елена Земскова, Елена Островская и их коллеги) в Москве у меня появились прекрасные

собеседники. За много лет и приездов в Москву архивисты РГАЛИ, РГАНИ, ГАРФа, РГАКФД, РГАСПИ и Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК) познакомили меня с огромным количеством документов о советском культурном интернационализме. Без них книга была бы невозможной. Кроме того, мне посчастливилось поговорить с участниками совместных проектов СССР со странами третьего мира — исследователями, переводчиками, иностранными режиссерами, учившимися во ВГИКе. Тот живой опыт общения и знание, которое уходит с ними, многократно превосходят любые попытки исторических реконструкций. Они и есть настоящие герои этой книги.

И, наконец, моя семья. Петя, Лилиян, Иван Джагаловы, мои бабушки и дедушки, дяди и тети не только дали мне счастливое детство в травматический период перехода Болгарии к капитализму, но и неустанно заботились обо мне в последующие годы. А Аслы, появившаяся в моей жизни позже, ободряла меня своей любовью во время бесконечных правок. Им я посвящаю эту книгу.

ВВЕДЕНИЕ

Третий мир был не местом, а проектом.
Виджай Прашад.
The Darker Nations (2008)

Когда я прочел доклад о литературных контактах между странами второго и третьего мира в Московском институте востоковедения, меня прежде всего вежливо, но совершенно искренне спросили: «А кому это нужно?» В конце концов, «это» (контакты) возникло в результате уже прекратившей свое существование политико-культурной конфигурации XX века. Я пробормотал что-то в ответ, но с тех пор этот вопрос не дает мне покоя. В самом деле, кому «это» нужно? Зачем изучать побочные продукты неудавшегося политического альянса, которые, пусть даже некогда и были источником вдохновения и культурного капитала, больше им не являются? Конечно, крушение Советского Союза и его имперских амбиций не помогло «этому» составить карту мира на основании мощного научного аппарата, от которого в постсоветской России остались лишь бледные тени — институты стран Африки, Азии и Латинской Америки. Научные институты в большинстве африканских, азиатских и латиноамериканских стран, за исключением левых кругов, тоже как будто не заинтересованы в том, чтобы восстанавливать историю своих многообразных совместных проектов с интернациональным коммунизмом и странами второго мира. Парадоксальным — и вместе с тем красноречивым — образом «это» оказалось интересно специалистам по постколониальным исследованиям и историкам советского интернационализма в западных университетах. Однако и там, чтобы реконструировать культурные связи между вторым и третьим миром, приходится преодолевать не только сложившееся

в науке разделение труда, воздвигшее профессиональные, интеллектуальные и языковые барьеры между двумя мирами, но и неловкость перед сторонниками холодной войны на Западе, как и перед либеральной интеллигенцией на Востоке, готовыми бороться с коммунизмом три десятилетия после его исчезновения и всегда и везде обнаружить и заклеймить «советский след».

Зачем, например, бросать тень на блистательную репутацию писателей — классиков постколониальной эпохи, таких как Нгуги ва Тхионго и Фаиз Ахмад Фаиз, или режиссеров из стран третьего мира, например Усмана Сембена и Мринал Сена, — «порочащей» ассоциацией с Советским государством? Один из главных шагов постколониальных исследований состоял как раз в том, чтобы «спасти» изучение современных культур Африки, Азии и Латинской Америки от узких дихотомий времен холодной войны и утвердить их независимость от коммунизма или СССР. Однако сегодня эта тенденция — держать такие фигуры «от греха подальше» — не столько проясняет, сколько затемняет предмет, отрывая его от контекста, поэтому требует пересмотра. Из-за нее мы не только не можем объяснить действия и предпочтения конкретных культурных деятелей из стран третьего мира, равно как и их аудитории, но и не видим взаимосвязей второго и третьего миров, вплоть до того, что оба прекратили существование практически одновременно — около 1990 года.

В книге «От интернационализма к постколониализму» я пытаюсь заполнить эти пробелы, показывая, насколько литературные и кинематографические площадки и сообщества стран третьего мира были близки советским по своим политическим и культурным установкам. Советская перспектива позволяет под новым углом посмотреть на историю африканской, азиатской и латиноамериканской культуры, почти всегда изучаемых обособленно либо во взаимодействии с современным Западом. Москва и Ташкент, советское общество

и культура тоже выглядят менее привычно, если посмотреть на них глазами заезжего писателя из Сенегала; кубинский или сирийский кинематограф открывается с новой стороны в контексте связей с СССР. Кроме того, в книге представлен иной угол зрения на отношения между изучением Советского Союза и постколониальными исследованиями: вместо того чтобы применять постколониальную теорию к российско-советской периферии (странам Восточной Европы, Кавказу и Средней Азии), я показываю, как советский опыт повлиял на эту теорию, а также на сопряженную с ней литературу и кинематограф.

В этой книге я, опираясь на архивные материалы Союза писателей СССР, Союза кинематографистов СССР, Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) и других советских культурных институций, сосредоточился на ключевых советских площадках постсталинского времени, где происходило взаимодействие с литературой и кино стран третьего мира: Ассоциации писателей стран Азии и Африки (1958–1991, глава 2) и Ташкентском кинофестивале стран Азии, Африки и Латинской Америки (1968–1988, глава 4). Пик совместных проектов приходится на период холодной войны; до нее, в межвоенные годы, африканские, азиатские и латиноамериканские писатели впервые вступили в систему советского просвещения (глава 1), а после нее следует постсоветская эпоха, когда эта система и ее кинематографический аналог распались, оставив после себя, впрочем, значительное наследие (эпилог). Изучение культурных сообществ и контактов задает контекст для структурного анализа десятков постколониальных романов и фильмов, причем особенно интересно, как в них изображена международная солидарность (главы 3 и 5 соответственно). Итоговый текстовый анализ вскрывает как типологическое сходство, так и генетические контакты, стоящие за перекличкой транснациональных образов в советских

романах и фильмах и в канонических произведениях, созданных в странах третьего мира[1].

Действующие лица

Прежде чем двигаться дальше, стоит сказать несколько слов о действующих лицах, занятых в этих проектах: культурных деятелях стран третьего мира и их советских коллегах. Понятие «третий мир», предложенное в 1952 году Альфредом Сови для обозначения стран, не входящих ни в коммунистический, ни в капиталистический (НАТО) блок, впоследствии развивалось в двух разных направлениях[2]. В современном обиходном употреблении, которого я буду избегать, оно превратилось в уничижительный синоним «неразвитых» стран (что обычно и подразумевает выражение «страна третьего мира»). Другой смысл, в котором часто используется словосочетание «третий мир» и которого я тоже буду избегать, — более нейтральное обозначение культурной и человеческой географии Африки, Азии и Латинской Америки, не обязательно предполагающее какую-либо политическую общность.

Отталкиваясь от первой фразы ключевой работы Виджая Прашада «Темные нации» (*Darker Nations,* 2007) — «Третий мир был не местом, а проектом», — я буду использовать этот термин в третьем значении: не как синоним отсталости и даже не как более нейтральное географическое обозначение зависимых или колонизированных (в прошлом) стран Африки, Азии и Латинской Америки, а в смысле освободительного наднационального движения в этих регионах, направленного не только на обретение национальной независимости, но и на

[1] См. базовую классификацию отношений по типологическому сходству и генетическим контактам, предложенную словацким компаративистом Дионизом Дюришином: *Ďurišin D.* Theory of Literary Comparatistics. Bratislava: Veda, PubHouse of the Slovak Academy of Sciences, 1984. P. 108.

[2] *Sauvy A.* Trois Mondes, Une Planète // L'Observateur. 14 August 1952. P. 14.

формирование социально справедливого общества. В этом более узком смысле речь пойдет о литературах и кинематографах третьего мира, относящихся к этому проекту, а не просто о сумме всей литературы и кино трех регионов. Хотя культура третьего мира частично институционализирована такими организациями, как Движение неприсоединения, Организация солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА) в Каире, Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (ОСНААЛ) в Гаване и другие, третий мир отличался чрезвычайным разнообразием. С идеологической точки зрения он охватывал широкий круг явлений — от прогрессивных национальных и региональных движений, таких как неруизм, сукарноизм, перонизм, панарабизм и панафриканизм, до радикальных геваризма и маоизма, — причем каждое из них было связано со своей культурой и противостояло господству в обществе западных тенденций. Иногда организации третьего мира стояли на позициях принципиальной неангажированности и не включали в себя советских представителей, как Движение неприсоединения или многие негосударственные инициативы, например Комитет кинематографистов стран третьего мира, иногда же в них участвовал и СССР (ОСНАА, ОСНААЛ, литературные и кинематографические объединения, рассматриваемые в этой книге). Для отдельных художников и их аудитории, как и для этих более крупных организаций и институций третьего мира, привлекательность Советского Союза объяснялась четырьмя причинами, находившимися между собой в отношениях сложной взаимосвязи: притягательностью идеи коммунизма советского образца и его культуры; интересом к советской модели промышленного развития и культурным достижениям СССР без стремления перенимать коммунистическую идеологию или вступать в геополитический союз; материальными и символическими ресурсами, которыми Советское государство могло помочь в решении конкретных задач; наконец,

возможностью объединиться с СССР, чтобы противостоять господству Запада (его культуры). Хотя стремление объединиться против Запада оставалось относительно неизменным фактором заключения подобных союзов, за семьдесят лет существования СССР идеологические симпатии к нему все чаще уступали место прагматической оценке его ресурсов. В контексте всех этих разнообразных мотивов, обеспечивавших культурный обмен между вторым и третьим миром, я постараюсь показать в этой книге тесную взаимосвязь социалистического блока и стран третьего мира, ставящую под вопрос *неангажированность* последних.

Ни советская власть, ни дружественные Советскому Союзу культурные объединения, рассматриваемые в этой книге, не использовали понятие «третий мир». Борис Пономарев, заведующий Международным отделом ЦК КПСС, в середине 1970-х годов фактически запретил этот термин (как бывший сотрудник Коминтерна, он отвергал возможность третьего пути между капитализмом и коммунизмом), заменяя его, однако, разнообразными альтернативными формулировками («молодые страны», «бывшие колониальные и капиталистические страны», «развивающиеся страны», «страны социалистической ориентации», «страны некапиталистической ориентации», «страны революционной демократии» и т. д.), которые свидетельствовали как о неопределенности в отношении советской зоны влияния и внешней политики, так и о бурных дискуссиях в этой области[1]. Более нейтральная формулировка «страны Азии и Африки» (позднее к ним добавилась Латинская Америка), использованная на Бандунгской конференции, позволяла сгладить эти противоречия, поэтому ее и переняли рассматриваемые в этой книге

[1] Александр Гордон, интервью. О некоторых из этих дискуссий см.: *Casula P.* Two Soviet Responses to Franz Fanon (1978–1979) by Rostislav Ulianovskii and Aleksandr Gordon // Arab-Russian Worlds, ed. M. Litvin, E. Kane, M. Kirasoriva. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 316–323.

культурные объединения, симпатизировавшие Советскому Союзу. Иногда они при этом подчеркивали воинственный, антиколониальный настрой стран третьего мира в трех регионах — в смысле «проекта», о котором говорил Виджай Прашад, — а иногда стремились найти максимально широкую нейтральную формулировку, как в случае с «третьим миром» в чисто географическом смысле этого понятия. Эту намеренную двойственность часто оспаривают, однако она давала организаторам подобных культурных объединений больше свободы в рассылке приглашений и в выражении мнений. Попытки подобрать общее обозначение для всех трех регионов были сопряжены со своими проблемами. Так, Латинская Америка на ранних этапах существования этой формулы стояла несколько особняком в силу как своей особой исторической судьбы, так и политических соображений: не только режимы, находившиеся у власти в большинстве ее стран во время холодной войны, зависели от США и были враждебны коммунизму, но и партизанские движения в регионе долгое время также отвергали идеологический авторитет Москвы[1]. Определение, исходящее из принадлежности к тому или иному региону, влекло за собой некоторые противоречия: из-за вето арабских стран и Китая на таких собраниях не могли быть представлены Израиль и Тайвань. Японию же, наоборот, следовало приглашать на «афро-азиатские» мероприятия, несмотря на ее недавнее имперское прошлое и признанный статус страны с развитой экономикой, литературой и кинематографом, отличавший ее от большинства других участников. Еще больше раздвигая границы афро-азиатского сообщества, на подобные собрания

[1] Не забудем, что конференция, прошедшая в Бандунге в апреле 1955 года, по-прежнему называлась афро-азиатской, а одной из первых организаций, образовавшихся после нее, стала Организация солидарности народов Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире. Только после Кубинской революции 1959 года Движение неприсоединения утвердилось в Латинской Америке.

иногда приглашали и афроамериканцев, пусть и в статусе наблюдателей[1].

«Второй мир» — менее спорный термин, поскольку его основания и природа объединяющего страны второго мира проекта понятнее. В отличие от третьего мира, это более централизованный блок, несомненным авторитетом для которого являлась Коммунистическая партия Советского Союза[2]. В этом плане диссиденты и изгнанники, даже жившие в этих странах или писавшие на их языках, не могли быть частью второго мира. Более того, условия ограниченной свободы, в которых находились официальные писатели, режиссеры и другие деятели культуры стран второго мира, вели к тому, что их взаимодействие с культурой третьего мира было опосредовано советским бюрократическим аппаратом — в широком смысле: от ЦК партии и правления союзов писателей и кинематографистов до отдельных литераторов и режиссеров, работавших в этих союзах. Однако современные исследования,

[1] О включении афроамериканских писателей в систему советского просвещения в последние годы выходит все больше работ: *Moore D. C.* Local Color, Global 'Color': Langston Hughes, the Black Atlantic, and Soviet Central Asia, 1932 // Research in African Literatures. 1996. Vol. 27. № 4. P. 49–70; *Moore D. C.* Colored Dispatches from the Uzbek Border: Langston Hughes' Relevance, 1933–2002 // Callaloo. 2002. Vol. 25. № 4. P. 1115–1135; *Baldwin K. A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain: Reading Encounters Between Black and Red, 1922–1963. Durham, NC: Duke University Press, 2002; *Lee S.* The Ethnic Avant-Garde: Minority Cultures and World Revolution. New York, NY: Columbia University Press, 2015; *Clark K.* The Representation of the African American as Colonial Oppressed in Texts of the Soviet Interwar Years // The Russian Review. 2016. Vol. 75. № 3. P. 368–385; *Mukherji A.* 'Like Another Planet to the Darker Americans': Black Cultural Work in 1930s Moscow // Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century, ed. E. Rosenhaft, R. J. Macvicar Aitken. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. P. 120–141.

[2] *Babiracki P.* Soviet Soft Power in Poland: Culture and the Making of Stalin's New Empire, 1943–1957. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2015; *Babiracki P., Jersild A.* (eds.) Socialist Internationalism in the Cold War: Exploring the Second World. Cham: Springer International Publishing, 2016; *Applebaum R.* Empire of Friends: Soviet Power and Socialist Internationalism in Cold War Czechoslovakia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019.

посвященные второму миру и его внешним культурным контактам, показали, что мы, на свой риск, сводим этот аппарат к Кремлю. Разные советские институции — от Министерства внешней торговли, заинтересованного в иностранной валюте, и Министерства иностранных дел, стремившегося расширять зону советского влияния за рубежом, до Международного отдела ЦК КПСС, преследовавшего идеологические цели, — подходили к совместным культурным проектам СССР со странами третьего мира в зависимости от собственных задач, часто действуя наперекор друг другу. Важно, что именно советские писатели и режиссеры общались и работали со своими коллегами из стран третьего мира, а книги и фильмы последних читали и смотрели реальные советские читатели и зрители. Несмотря на то что все контакты такого рода тщательно планировались, они порождали непредвиденные дружбы, привязанности, а порой и конфликты. Более того, любые обобщения на тему «советского интернационализма» наталкиваются на крайнюю разнородность Советского государства (и в целом стран социалистического блока) и общества: как можно сравнивать 1937 или 1942 годы с 1979-м или 1986-м?

Хотя в целом страны соцблока интенсивно взаимодействовали с незападным миром, в этой книге речь не пойдет о странах второго мира за пределами СССР: восточноевропейских странах Варшавского договора и Югославии, Кубе и Китае до советско-китайского раскола. Китай — это, разумеется, отдельная и долгая история, причем на разных этапах он принадлежал и второму, и третьему миру, оспаривая претензии СССР и Движения неприсоединения на главенство в каждом из них. Революционная притягательность маоизма, в период своего расцвета имевшего сторонников от Парижа до Танзании и от «Черных пантер» в Сан-Франциско до наксалитов в Индии, порой делала его в глазах советской власти еще более опасным противником, чем

Запад[1]. В 1960-е годы не только объединение афро-азиатских писателей и кинофестиваль стран Азии и Африки, проводившийся тогда еще в разных городах, но также множество проектов третьего мира и коммунистических партий по всему миру разделились на просоветский и прокитайский лагеря[2]. Куба с ее культурным влиянием в третьем мире (укрепившимся благодаря ОСНААЛ), тоже высоко державшая революционное знамя и подчеркивавшая важность антиимпериализма и всемирной расовой справедливости, которым советский дискурс и внешняя политика не уделяли должного внимания, представляла собой гораздо более дружественную и лояльную соперницу[3]. Однако к концу длинных 1960-х годов «культурная революция» привела внешнюю политику Китая к солипсизму и затормозила подобные инициативы, в то время как Куба вступила в «серые годы» советизации[4]. В целом, несмотря на постепенную утрату символической привлекательности, советская модель культурного интернационализма оставалась наиболее прочной и лучше обеспеченной ресурсами.

[1] О привлекательности маоизма в США см.: *Kelley R. D. G., Esche B.* Black like Mao // Souls. 1999. Vol. 4. № 1. P. 6–41. Конкретно о литературном маоизме и его роли в движении афро-азиатских писателей см. *Yoon D.* Cold War Africa and China: The Afro-Asian Writers' Bureau and the Rise of Postcolonial Literature. PhD thesis, UCLA, 2014.

[2] Подробнее об этом процессе см.: *Friedman J. S.* Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2015.

[3] *Mahler A. G.* From the Tricontinental to the Global South: Race, Radicalism, and Transnational Solidarity. Durham, NC: Duke University Press, 2018.

[4] О том, как «культурная революция» давила на граждан Китая, живущих в зонах контакта с другими культурами, и как ее постепенное угасание в 1970-е годы уменьшило привлекательность маоизма для других стран (что отчасти напоминает произошедшее в конце 1930-х с Советским Союзом), см.: *McGuire E.* Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. New York, NY: Oxford University Press, 2018. P. 342–365. О хронологических вехах советизации Кубы см.: *Loss J., Prietto J. M.* (eds.) Caviar with Rum: Cuba–USSR and the Post-Soviet Experience. New York, NY: Palgrave Macmillan US, 2012. P. 18–21.

Югославия, входившая в число основателей Движения неприсоединения, стремилась к реализации собственных масштабных проектов в Африке и Азии[1]. Албания, тоже рано вышедшая из советского блока, подняла знамя мирового маоизма, брошенное Китаем в середине 1970-х, и под этим флагом собственного антиревизионистского марксизма и ходжаизма привлекла небольшие группы азиатских и латиноамериканских коммунистов. Другое дело — страны Варшавского договора. Действуя в более широких рамках, диктуемых СССР, и вместе с тем с поразительной мерой свободы, они, следуя советским установкам, принимали незападных студентов, командировали специалистов и осуществляли проекты по строительству и развитию как на коммерческих условиях, так и в качестве проявления социалистической солидарности[2]. В силу сложных причин, связанных с принятой ФРГ доктриной Хальштейна, Восточная Германия поддерживала особенно интенсивные культурные связи с незападными странами, в частности выступила главным издателем Африканского национального конгресса[3]. Поэтому благодаря англоязычному издательству

[1] *Unkovski-Korica V.* The Economic Struggle for Power in Tito's Yugoslavia: From World War II to Non-Alignment. London: I.B. Tauris, 2016.

[2] Число работ о культурных аспектах взаимодействия разных европейских стран с пространствами третьего мира неуклонно растет. См.: *Lovejoy A.* The World Union of Documentary, the Early Cold War, and International Documentary Between East and West [рукопись]; *Zubel M.* Toward a Second World Third Cinema: Anti-Colonial Internationalism in Tadeusz Jaworski's 80 Days of Lumumba // Studies in Eastern European Cinema. 2016. Vol. 7. № 3. P. 190–207; *Stejskalová T.* (ed.) Filmaři všech zemí, spojte se!: zapomenutý internacionalismus, československý film a třetí svět. Praha: Tranzit.cz, 2017; *Reilly C.* Remains of Red Letters: Mediating World Literature in the Eastern Bloc. Presented at the Remapping European Media Cultures During the Cold War, University of Minnesota, Twin Cities, 31 March 2017.

[3] Приняв доктрину Хальштейна (1955–1969), правительство ФРГ отказывалось признавать любую страну (кроме СССР), признавшую Восточную Германию. ГДР, дипломатически отрезанная от многих западных государств, постаралась установить отношения со странами Азии и Африки до Западной Германии. См.: *Engerman D.* The Second World's Third World // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12. № 1. P. 197.

Seven Seas Publishers некоторые работы политически ангажированных африканских писателей, таких как Алекс Ла Гума, впервые вышли в Восточном Берлине. На этом фронте активно — активнее, чем Румыния или даже Польша, — действовала и Чехословакия, открывшая в Праге целый университет (Университет имени 17 ноября) для подготовки студентов из стран Азии и Африки. Однако в целом институциональные формы, учрежденные восточноевропейскими странами и Китаем в попытке наладить контакт с незападной аудиторией, предсказуемо следовали советской модели: союзы писателей и кинематографистов, уполномоченные следить за современным литературным и кинематографическим процессом в других странах, посылать за границу своих членов и принимать иностранных делегатов, индивидуально или же на писательских съездах, кинофестивалях или организационных собраниях; литературные журналы и издательства, отвечавшие за перевод литературы стран Азии и Африки на местный язык и наоборот; сеть кружков, способствовавших некоммерческому распространению кино и литературы.

Наконец, ко второму миру, пусть и с некоторой натяжкой, относится еще одна группа — западные культурные деятели левых взглядов, в середине XX века выступавшие главными посредниками между советской и незападными культурами. Хотя в книге я подробно остановлюсь только на одном из них — голландском документалисте Йорисе Ивенсе, — их роль в процессе передачи достижений левой культуры в межвоенный период, включая советский авангард 1920-х годов, деятелям культуры третьего мира трудно переоценить. Другие, например Луи Арагон, французский поэт-коммунист, помогли советским культурным институциям установить контакты с франкоязычными писателями арабского и африканского происхождения в период, когда у СССР не было с ними прямых связей[1].

[1] РГАЛИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 92. Л. 76.